

УДК 94(47).083
ББК ТЗ 63.3

РАБОЧИЙ ВОПРОС В ПАРТИИ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

Д.А. Местковский

В историографии партии социалистов-революционеров крестьянский вопрос и социализация земли всегда находились в центре внимания, тогда как рабочий вопрос и социализация фабрик и заводов такого внимания не получили. Отход от декларировавшегося на начальном этапе «демократизма» проявился в усилении «централизма», в частности, решение рабочего вопроса стало связываться не с постепенной самоорганизацией рабочих, завоевывающих таким образом свои права, а с усилением роли государства, могущего дать эти же права. Данная проблема и является предметом статьи.

Ключевые слова: социалисты-революционеры, партия социалистов-революционеров, эсеры, социализация, Чернов.

Поиски путей решения проблем, стоявших перед Россией в начале XX в., выдвинули партию социалистов-революционеров и ее специфический метод – социализацию – в авангард общественного движения. В отечественной историографии социализация традиционно связывалась с комплексом аграрных мероприятий. В советский период она рассматривалась через призму ленинских взглядов, что предопределяло изучение теории эсеров как мелкобуржуазного отклонения от социалистического учения [1; 4; 5; 14; 17]. В современной историографии термин «социализация» рассматривается под иным углом зрения [3; 7; 8; 9]. Учитывается оригинальность этой идеи, принесшей немало дивидендов социалистам-революционерам. Впрочем, социализация в представлениях историков так и осталась лишь аграрной мерой и не рассматривается ими как мера в отношении фабрик и заводов. Тем самым большой теоретический объем материалов эсеров остается в тени. Но идею социализации фабрик и заводов обошла вниманием не только историография. В среде самих эсеров эта идея первоначально не встречала того отклика, который находила

программа социализации земли. Социализация фабрик и заводов была отвергнута на рубеже 1905–1906 гг. I съездом партии социалистов-революционеров. Тем не менее постепенно эта идея овладевала умами российских эсеров, и в материалах к X совету партии в 1920 г. она была включена ими в новый проект программы. Подобное отношение, интересное само по себе, ставит вопрос о том, что же на самом деле представляла собой социализация фабрик и заводов в глазах эсеров. Целью данной статьи не может быть рассмотрение всех сторон данной проблемы. Мы попытаемся проследить развитие идеи социализации предприятий с точки зрения соотношения в ней демократической и централистической составляющих.

Идея о социализации предприятий всегда включалась эсерами в рабочий вопрос, в котором можно выделить экономическую и политическую части. На I съезде партии экономическая часть включала основные требования рабочего движения. В.М. Чернов перечислял следующие требования: «...сокращение рабочего времени...; установление законодательного максимума рабочего времени...; установление минимальных заработных плат...; государственное страхование... на счет государства и хозяев...; законодательная охрана труда...» [11, с. 277].

Что касается политической части вопроса, то она включала три меры. Первая мера предполагала создание «профессиональной организации рабочих», которая должна постепенно увеличивать степень своего участия в «установлении внутреннего распорядка» на предприятиях [11, с. 277]. Данная мера, являясь весьма ограниченной, представляла минимум того, что социалисты брались сделать для рабочих, исключала участие органов власти в разрешении рабочего вопроса. А это, в свою очередь, вызвало поток критики, отвечая на которую В.М. Чернов озвучил вторую меру – социализацию земли. Традиционно социализация земли воспринималась аграрной мерой, но в рабочем вопросе она была представлена способом контроля за владельцами фабрик и заводов.

В.М. Чернов указывал на то, что социализация городской земли поставила бы «...всех владельцев... в большую зависимость от муниципалитета...» [там же, с. 320]. Не изымая предприятий, изымая лишь землю, на которой стояли фабрики, местная власть, получившая право распоряжения социализированной землей, контролировала бы владельцев. Согласно этой идее в структуру производственных отношений включались административные органы власти, которые, впрочем, не получали абсолютных прав (ведь сами фабрики и организация производства на них оставались в руках прежних владельцев), а являлись одной из сторон, участвующей, наравне с рабочими организациями и владельцами, в управлении предприятиями.

Суть третьей меры сводилась к одному – к абсолютизации роли органов власти в производственных отношениях, устранению владельцев и к изъятию их предприятий. Эта мера получила название «социализация фабрик и заводов». Наиболее активно в этом направлении выступали приверженцы максимализма. Отстаивавший это мнение делегат Ривкин, проходивший в материалах Первого съезда как «Порошин», считал необходимым ввести в программу «...революционную экспроприацию фабрик и заводов с заменой частной собственности на них собственностью коллективно-общественной». Н.И. Ракитников, выступавший под псевдонимом «Базаров», заявлял, что «Программа переворота

должна включать в себя передачу в руки общества крупных промышленных предприятий...». Этот делегат высказывался по многим вопросам как сторонник создания государственного сектора в экономике, например – государственного земельного фонда [11, с. 294–295, 298–299].

Что касается управления «экспропрированными» предприятиями, то его должны были взять на себя либо органы местной власти, осуществив «коммунализацию и муниципализацию» предприятий, либо органы центральной власти, создав государственный сектор в экономике [там же, с. 292–293]. Таким образом, социализация фабрик и заводов представляла собой огосударствление производства.

Проект максималистов, централистский по содержанию, был отвергнут I съездом. Абсолютизация административного контроля над предприятиями противопоставляла проект максималистов тому, что предлагал В.М. Чернов. По его проекту, принятому съездом, владелец не устранялся, а продолжал вести свое дело. Все стороны – рабочие, владелец и органы власти – не получали каких-либо преимуществ. Вопросы решались соотношением сил заинтересованных сторон. Этот проект не был централистским, то есть дающим чрезвычайные права какой-либо стороне. Проект не ставил стороны в подчинение государственных органов, а позволял им самим выстраивать отношения. Он был демократичнее предложенной социализации фабрик и заводов.

К рабочему вопросу эсеры вновь вернулись на Третьем съезде партии в 1917 году. Докладчик Воронов сходу отмел призывы к социализации фабрик и заводов, называя эти планы «нереальными» и «утопическими» [12, с. 391, 396]. Но, придерживаясь в этом вопросе прежней программы, по многим другим эсерами была произведена кардинальная ревизия. Прежде всего это касалось экономической части. Она исходила из утверждения, что улучшение положения рабочих должно основываться на повышении «производительности труда». Докладчик назвал «крахом» выполнение «законного желания рабочих» повысить заработную плату [там же, с. 394–396]. Отстаиваемое Вороновым требование «фиксировать» заработную плату, то есть ввести ее нижний и верхний предел, противопоставлялось попу-

лярному требованию – установить ее «минимум», обозначавшему только нижнюю границу. Выдвижение эсерами требования «фиксации» заработной платы продолжало курс на установление ограничений для роста зарплат рабочих. Аналогичный подход присутствовал и по ряду других вопросов. Невозможным признавалось и «совершенно правильное требование» о восьмичасовом рабочем дне, который теперь назывался лишь частью общего рабочего дня. Наряду с этим «нормальным рабочим днем» сохранялось и сверх того отработанное время – «сверхурочные» часы. Речи о снижении времени рабочего дня на съезде не велось [12, с. 394–396]. Эсеры отказались и от зафиксированного в программе положения о введении для рабочих «страхования за счет хозяев и государства», что полностью перечеркивало их прежние установки [там же, с. 397]. Все это свидетельствует не только о попытке отодвинуть на периферию партийного сознания экономическую сторону рабочей программы, но и вообще об изменениях во взглядах, произошедших в эсеровской среде со времени Первого съезда. Придя во власть, став партией, представленной в государственных органах, эсеры отказались от своих прежних программных обязательств.

В политической части доклада также имелись значительные изменения. Так, если программа, принятая эсерами на Первом съезде, предполагала крайне незначительную роль, играемую органами власти в рабочем вопросе, то на Третьем съезде их роль поменялась на прямо противоположную. Органы власти впредь становились точкой опоры для разрешения рабочего вопроса, который не мог быть решен без «сильной государственной власти». Воронов указывал на необходимость регулирования «промышленной и торговой» деятельности «всех экономических отношений» через «единый центр», что противоречило прежним постулатам партии. Заявление о необходимости для государства взять в свои руки «монополию» на ряд отраслей торговли и промышленности в корне меняло действующую программу [там же, с. 391]. Содокладчик Воронова Розенблюм предлагал сделать «организации рабочего класса» опорой созданных для руководства промышленностью

«авторитетных государственно-распорядительных органов» [13, с. 611]. Что, как минимум, говорило о объединении двух сторон, участников производственных отношений – профессиональных организаций рабочих и органов власти – против третьей – владельцев. А в перспективе предполагало, что из самостоятельных участников производственных отношений они становились подчиненными.

Таким образом, на съезде было заявлено о новой структуре управления промышленностью, которая предполагала наличие государственного управления предприятиями с опорой на организации рабочих. Причем эта политика могла в корне расходиться с интересами рабочего класса, о чем свидетельствует экономическая часть доклада. Тем самым, отодвинув блок экономических требований и выдвинув на первый план блок требований политических, эсеры начали отходить от принятой ранее программы.

В том же русле прошел и Восьмой совет партии социалистов-революционеров в мае 1918 года. Отмеченные на Третьем съезде тенденции присутствовали и здесь. Для рабочего вопроса были поставлены две задачи: «...с одной стороны – в максимально достижимом при данных условиях государственным регулировании промышленности и в возможно большем привлечении в страну иностранного капитала – с другой» [15, л. 12 об]. Такая формулировка лишь подтверждает наш тезис о переходности идей рабочей программы от демократического варианта к варианту централистскому. Прежняя программа, допускавшая множество игроков на поле экономических отношений, пересекалась в подобных заявлениях с новыми веяниями, отводящими абсолютную роль в экономике государству. Эта переходность касалась и других положений «Тезисов...». В вопросе о рабочем контроле над предприятиями «анархия производства» осуждалась как противоречащий «государственному централизму» элемент существующей самостоятельности рабочих организаций. В вопросе о профессиональных и кооперативных организациях рабочих, подчиненных центру, «Тезисы...» осуждали уже государство за уничтожение самостоятельности рабочих организаций [15, л. 12 об., 13 об., 14].

Подобная неуверенность и переходность исчезает в 1920 году. В материалах X совета

было официально заявлено о необходимости пересмотра партийной программы [10]. Подготовленный к этому совету доклад В.М. Чернова интересен проводимыми параллелями между капитализмом и социализмом. Отмечая стремление буржуазии взять под контроль «анархию» капиталистического производства, В.М. Чернов видел в этом сходство капитализма с социализмом: капитализм («государственно-регулируемой» фазы выступает аналогом социализма, «экспроприруя», таким образом, «историческую миссию социализма» [6, с. 2]. А социализм приобретает вполне отчетливые и достижимые черты – регулирование производства. Разница лишь в том, что капиталистическое регулирование ставит во главу угла «регулирование в интересах класса капиталистов». Замена в этом определении «класса капиталистов» на «трудящихся» даст регулирование социалистическое [там же, с. 15], то есть «социализм», который проще всего устроить, согласно рассуждениям В.М. Чернова, в форме государственного регулирования в интересах рабочих. Исходя из этого, автор доклада предлагал «...дать план положительного социалистического строительства» и определить «формы социализации», «род и способ сотрудничества» между органами государства, «трудовой общественности» и представителями «частной инициативы», выработав для последней «нормы», в которых она могла бы сосуществовать с новым социалистическим укладом в экономике [там же, с. 13–14]. Как видно из этого, роли сторон в рабочем вопросе поменялись. Органы власти, действующие в прежней программе лишь косвенно, опосредованно, теперь задавали тон в экономике.

Проект новой партийной программы был выработан и разослан на места для ознакомления. Экономическая часть, столь развитая в прежней программе, изменилась: заняв крайне незначительную часть в проекте, она не содержала каких-либо зафиксированных положений о продолжительности рабочего времени, величине заработной платы или страховании. Отныне условия экономического положения рабочих должны были решаться условиями «договора» с «предпринимателем», в роли которого назывались «государство, муниципалитет, кооператив, частный предприни-

матель». Рабочий рассматривался как одна из сторон производственного процесса [16, с. 114]. Но если в прежней программе другой стороной являлись только «частные предприниматели», в отношениях с которыми рабочим готовы были оказать поддержку органы власти, то теперь эти самые органы власти, «государство» и «муниципалитет» становились такой же стороной, как ранее рабочие и «частные предприниматели». Это совсем по-иному формировало структуру производственных отношений. Данное положение проекта было развито на местах. Харьковская организация партии социалистов-революционеров наделяла рабочие организации функциями низовой государственной ячейки с конкретными задачами. Во-первых, среди таких задач значилось овладение теми сферами производства, в которых было возможно организовать «строгoplanовое государственное руководство». Во-вторых, посредством воздействия через «трудовые организации» «вытеснить» частных предпринимателей [2, п. 8–10]. Это обозначило сферу деятельности «трудовых организаций»: от противостояния частным предпринимателям до союза с государственными органами. Относительно улучшения положения рабочих не говорилось ничего. Рабочие организации становились элементом общегосударственной системы.

Политическая часть проекта предполагала создание из национализированной экономики двух секторов: «социализируемого» и «денационализированного». Социализируемый сектор создавался в следующих трех формах. Крупные предприятия – высший уровень – становились государственными. Предприятия местного, регионального значения составляли средний уровень и муниципализировались местными «самоуправлениями». Мельчайшие производства, отдельные ремесленники и кустари – низший уровень – «принудительно синдицировались под контролем государства», в их «кооперативные учреждения» вводились «представители государства» [16, с. 1].

Что касается среднего и высшего уровней предприятий, то здесь органы власти прочно закреплялись. Нижний уровень являлся переходной ступенью между частным и социализированным секторами экономики. Эти вновь образованные «синдицированные отрас-

ли» должны были быть представлены в центре посредством «союзов». «Социализированная отрасль» управлялась государством через органы местного самоуправления. При такой системе центральные органы осуществляли контроль над «принудительно синдицированными» предприятиями как на местах, так и в центре [16, с. 1]. И все же низший уровень социализированной экономики представлялся создателям данного проекта слабым местом. Кооперация с ее стремлением зарабатывать, способна была к «вырождению в капиталистическое предприятие». Присутствие «представителей государства» предполагалось дополнить регулированием рынка сбыта кооперативных предприятий [там же, с. 2]. Целый сектор экономики принимал значение некоей политико-экономической структуры, ограниченной политическими, а не производственными задачами, призванными объединить всех мелких производителей посредством «принудительного синдицирования», а впоследствии организовать на их основе государственные предприятия.

Государство определяло круг деятельности и для частного сектора, которому в «Тезисах по экономическому строительству» отводились предприятия несоциализировавшиеся – так называемая «вся остальная часть промышленности». Этот сектор изначально дискриминировался. Предприятия, из которых он мог формироваться, должны были предоставляться «...в первую очередь кооперативам и органам самоуправления», то есть войти в низшую структуру социализированных предприятий. Государство открыто ставило цель оказывать «...содействие кооперативным организациям в борьбе с частнопредпринимательским капиталом», противопоставляя их тем самым [там же, с. 1]. В местных организациях партии настроения были схожими. Предполагалось создание центральными государственными органами власти «боевых органов» для «защиты и нападения» на область частного, несоциализированного предпринимательства [2, п. 12]. Создатели подобных документов, формально признавая частное право, на деле закладывали механизм, позволявший вытеснить частного производителя вообще.

Итак, несоциализируемый сектор экономики, по мнению эсеров, продемонстрировал тен-

денцию к полному исчезновению. Структура экономики способствовала развитию социализированного сектора с преобладающей в нем ролью государства.

Концепция эсеров в рабочем вопросе проделала путь от демократического разрешения проблемы до авторитарного, централистического, государственнического. Участие нескольких сторон в разрешении рабочего вопроса, согласно закрепленной Первым съездом программе, свидетельствовало о предпочтении демократических путей. Последующее развитие вопроса показало снижение интереса к экономическому положению рабочих и увеличение интереса к присутствию органов государственной власти в промышленности. Это и дало тот государственнический образец «социализации» производства, представленный в проекте к пересмотру партийной программы. Новое решение рабочего вопроса переворачивало все принятые Первым съездом решения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гинев, В. Н. Борьба за крестьянство и кризис русского неонародничества / В. Н. Гинев. – Л. : Наука, 1983. – 336 с.
2. «Голос Социалиста-Революционера» № 6, июнь – июль 1921 г. Харьков. Тезисы по рабочему вопросу. Приняты общим собранием Харьковской организации П.С.-Р. // РГАСПИ (Рос. гос. арх. соц.-полит. истории). – Ф. 673. – Оп. 1. – Д. 47, ч. II (Коллекция копий документов по истории революционного рабочего и коммунистического движения 1857–1995). – Док. 855.
3. Гусев, К. В. В.М.Чернов. Штрихи к политическому портрету / К. В. Гусев. – М. : РОССПЭН, 1999. – 207 с.
4. Гусев, К. В. От соглашательства к контрреволюции (очерки истории политического банкротства и гибели партии социалистов-революционеров) / К. В. Гусев, Х. А. Ерицян. – М. : Мысль, 1968. – 320 с.
5. Гусев, К. В. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции / К. В. Гусев. – М. : Мысль, 1975. – 383 с.
6. Доклад о пересмотре партийной программы В.М. Чернова // РГАСПИ. – Ф. 673. – Оп. 1. – Д. 47, ч. II (Коллекция копий документов по истории революционного рабочего и коммунистического движения 1857–1995). – Док. 845.
7. Коновалова, О. В. В.М. Чернов о путях развития России / О. В. Коновалова. – М. : РОССПЭН, 2009. – 383 с.

8. Леонов, М. И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 годах / М. И. Леонов. – М. : РОССПЭН, 1997. – 512 с.

9. Морозов, К. Н. Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 годах / К. Н. Морозов. – М. : РОССПЭН, 1998. – 624 с.

10. Протоколы заседаний ЦК ПСР 1920 г. сент. – окт. Протокол № 1, О предстоящем Совете Партии и предлагаемом его порядке дня // РГАСПИ. – Ф. 673. – Оп. 1. – Д. 47, ч. II (Коллекция копий документов по истории революционного рабочего и коммунистического движения 1857–1995). – Док. 845.

11. Протоколы Первого съезда партии социалистов-революционеров // ПСР (Партия социалистов-революционеров) : документы и материалы. В 3 т. Т. 1. – М. : РОССПЭН, 1996. – 686 с.

12. Протоколы Третьего съезда партии социалистов-революционеров // ПСР. Т. 3, ч. 1. – М. : РОССПЭН, 2000. – 960 с.

13. Резолюции, принятые на Третьем съезде партии социалистов-революционеров : тез. докл. тов. Розенблюма (Фирсова) по рабочей политике // ПСР. Т. 3, ч. 1. – М. : РОССПЭН, 2000. – 960 с.

14. Спирина, М. В. Крах мелкобуржуазной концепции социализма эсеров / М. В. Спирина. – М. : Наука, 1987. – 205 с.

15. Тезисы доклада П.А. Лихача «О задачах рабочей политики» // Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 9591. – Оп. 1. – Д. 26 (VIII съезд партии с.-р. 7-16.V.1918 г. Москва).

16. Уральская организация П.С.-Р. Тезисы по экономическому строительству (март 1921 г.) // РГАСПИ. – Ф. 673. – Оп. 1. – Д. 47, ч. II (Коллекция копий документов по истории революционного рабочего и коммунистического движения 1857–1995).

17. Черномордик, С. Эсеры (партия социалистов-революционеров) / С. Черномордик. – Харьков : Пролетарий, 1930. – 354 с.

WORKFORCE ISSUE FOR THE SOCIALIST REVOLUTIONARY PARTY

D.A. Mestkovsky

In historiography of the socialist-revolutionary party the peasantry and land-socialization issues were mainly in the center of attention, whereas the workforce and factory and plant-socialization issues escaped their consideration. The deviation from the initially declared principles of democracy led to the «centralization oriented program», that is, the solution of the «workforce» issue was associated with the state authority to grant rights rather than the self-organization of the industrial proletariat.

Key words: *social-revolutionaries, socialist-revolutionary party, esery, socialization, Chernov.*